

обратить внимание на наши отечественные, простонародные сказки...» Далее Шишков касается особенностей стиля Тика-сказочника. Отмечая верность немецкого романтика народному образцу, Шишков тем не менее обращает внимание на один «менее приметный, но весьма важный анахронизм — в изображении обычаев и нравов, понятий и познаний народных: в сем отношении тиков „Фортунат“ едва ли не наш современник» [7, с. 7—8].

И в самом деле, сюжет народной книги немецкий сказочник в изобилии насытил современными реалиями: псевдонаучные поиски секрета философского камня (алхимик Раймунд), «новейшие» медицинские теории (консилиум врачей по поводу «болезни» Агриппины — невесты откуда выросших рогов на голове), наставления Фортуната сыновьям, вполне выдержанные в духе меркантильного XIX в., и т. д. Все эти эпизоды поданы Тиком, как правило, в ироническом тоне, за которым явно чувствуется едкая усмешка современного человека. Шишков приветствует подобный «анахронизм», который, с его точки зрения, есть «торжество искусства»: «ибо он-то самый ... в волшебном мире ... мастерски пародирует мир настоящий и вместе служит постоянно, безмолвно насмешкою над требованиями близо-руких теоретиков» [7, с. 8].

Таким образом, неперенное наличие авторского взгляда на мир русский переводчик считает одним из основных критериев художественности. Тику, «подобно Шекспиру, дороги, любезны, священны поучения седой старины; но, подобно Шекспиру, он вместе постиг совершенно свое время со всеми его слабостями, причудами, пороками» [7, с. 7]. Этот же шекспиризм, т. е. широта и многообразие точек зрения на мир, в еще большей мере присущи художественному мышлению автора «Бориса Годунова». Эти и многие другие идеи Шишкова не могли не вызвать сочувственного внимания Пушкина.

Имя Пушкина неоднократно встречается на страницах предисловия Шишкова. Особенно важен для нас одобрительный отзыв переводчика о ранней сказочной поэме «Руслан и Людмила»: «По нашему мнению, Пушкина укорять можно не в том, что пользовался, но что слишком мало воспользовался сею богатою сказкою, исполненною роскоши восточного воображения» [7, с. 8]. Очевидно, в этом раннем опыте Пушкина-сказочника Шишкову важно подчеркнуть то позитивное начало, которое в современных ему условиях приобретало наиболее животрепещущий и остродискуссионный смысл, а именно: самую возможность и необходимость присутствия образа автора в фольклорном тексте, отражения в нем авторских взглядов, оценок, пристрастий. Шишков тем самым открывает в «Руслане и Людмиле» те потенциальные возможности, которые — уже в более органичной художественной форме — были реализованы Пушкиным-сказочником в опытах 1830-х годов. Этот момент получает у поэта и теоретическое осознание. Мы имеем в виду запись одного из пунктов плана истории русской литературы: «Народность сказок (пересказать *по-своему* — Калдерон)» [1, т. XII, с. 208].

Таким образом, не механическое подражание народным сказкам, а их пересказ «по-своему» представляется Пушкину главнейшим условием народности литературной сказки. По всей вероятности, поэт мыслил такой пересказ как особую жанровую форму, в которой народно-сказочный угол зрения на действительность обязательно бы преломлялся сквозь призму миропонимания самого автора и, таким образом, раскрывался в своей общечеловеческой, общеевропейской значимости. Именно так, думается нам, Пушкин разрешал проблему приобщения архаических, «младенческих» народно-жанровых форм к культурно-историческому этапу новейшего литературного творчества.

Хотя проанализированный нами тезис поэта относится к 1834 г., но, несомненно, уже в «Сказке о царе Салтане...», появившейся в 1832 г., авторское начало выражено в полной мере. Это и лукавая игра с неопре-